

Выйдя из дома, Лин Син едва заметно нахмурился. Пусть на лице по-прежнему держалась улыбка и он успокаивал детей, при внимательном взгляде всё равно можно было заметить, что сегодня он не такой, как обычно.

Ему всегда не хватало чувства безопасности - с детства, после смерти родителей, когда рядом остался только дед. Теперь же, оказавшись в чужом мире, это внутреннее беспокойство лишь усилилось. Столкнувшись с трудностями, он не отступал, но и полностью избавиться от этого ощущения не мог, оставалось лишь искать способы его приглушить.

Лин Син тихо вздохнул и, не скрывая, сказал:

— Боюсь, что семья Фан нам отомстит.

Шэнь Хуэй перевёл взгляд, ему была видна лишь часть профиля Лин Сина. Он негромко ответил:

— Семья Фан будет действовать исподтишка, но серьёзного вреда дому это не принесёт. Староста такого не допустит.

Услышав эти слова, Лин Син немного успокоился. Мелкие пакости, конечно, неприятны, но, по крайней мере, жизни они не угрожают. В прошлой жизни он большую часть времени тоже провёл в деревне и знал, что соседские трения обычно выглядят именно так, к этому можно привыкнуть.

Дом старосты был самым внушительным во всей деревне Сяо Лю: наполовину кирпичный, наполовину глинобитный, с соломенной крышей. По сравнению с другими, сплошь глиняными домами, жилище старосты и правда считалось лучшим.

Дом семьи Фан находился неподалёку. Он тоже был сложен из глиняного кирпича, но выглядел новее, а двор был значительно больше. Разбогатев, они выкупили соседний участок; раньше на том месте стоял старый дом семьи Шэнь.

В этот момент Чжу Жушань как раз был дома. Увидев, как Шэнь Хуэй ведёт к нему троих детей и Лин Сина, он без всякой причины почувствовал тревогу - брови сами собой дёрнулись, будто предчувствуя неладное. И впрямь, когда Лин Син повёл детей к жене старосты покупать солодовые конфеты, Шэнь Хуэй холодно заговорил во дворе:

— Староста, люди из семьи Фан сегодня снова приходили к нам и устроили скандал. Они размахивали кочергой и едва не проломили голову Сяо У. Старший брат умер, теперь в семье я главный. Если с кем-то из них что-нибудь случится, я не смогу сдержаться и не тронуть семью Фан.

Каким человеком был Шэнь Хуэй, Чжу Жушань знал прекрасно. Он ставил семью выше

собственной жизни, был жесток в бою и немногословен. Пока его не трогали, он жил мирно, но стоило задеть - отвечал сторицей. В деле между семьёй Шэнь и семьёй Фан, раз Шэнь Хуэй заговорил сам, старосте действительно пришлось вмешаться. Несколько лет назад его третий сын ушёл в горы и наткнулся на питона. Если бы не Шэнь Хуэй, того бы просто сожрала змея. Тогда они заплатили семье Шэнь серебром в знак благодарности, но спасение жизни - не то, что можно закрыть лишь пятью ляннами.

Теперь, когда Шэнь Хуэй специально пришёл сюда, Чжу Жушань понял: тот пришёл закрыть старый долг. А раз так, относиться к этому нужно как к собственному делу, а не пытаться «сгладить углы» между двумя сторонами.

Чжу Жушань ответил без колебаний:

— Ладно. Я схожу к семье Фан и после этого присмотрю за ними.

Мальтозная патока бывает жидкой, а бывает твёрдой. У старосты как раз была твёрдая, такую нужно колоть инструментом. Белые куски мальтозы звенели под ударами: дзинь-дзинь.

Сказав все, что хотел, Шэнь Хуэй зашёл в дом и достал деньги. За восемь вэней откололи пять кусочков размером с большой палец. Все сложили в промасленную бумагу, которую принёс Шэнь Хуэй. По дороге обратно Шэнь Лай так и глотал слюну. Когда они почти дошли до края деревни и вокруг уже никого не было, Шэнь Хуэй разломил два кусочка на четыре части и сунул их Шэнь Лаю, Сяочунь и Сяося в рот, словно затыкая фонтан слюней.

Почувствовав сладость, трое детей зажмурились и прикрыли рты ладонями, не в силах спрятать улыбки. Они медленно перекатывали во рту кусочки сахара, смакуя эту редкую, драгоценную сладость. Пока дети отвлеклись, Шэнь Хуэй поднял руку, и Лин Син ощутил, как в рот уверенно протолкнули что-то сладкое с ароматом сахара.

Он тоже получил кусочек мальтозы.

Осознав это, Лин Син поднял голову и посмотрел на Шэнь Хуэя. Тот, склонившись к Шэнь Лаю и детям, сказал:

— Я с вами.

А потом вдруг повернулся, и Лин Син неожиданно встретился с ним взглядом и услышал:

— Не бойтесь.

У Лин Сина слегка покраснели уши. Он украдкой передвинул во рту кусочек солодового сахара - Шэнь Хуэй, выходит, и его тоже как ребёнка уговаривал...

Им повезло прийти вовремя - когда они покупали тофу, как раз оставались последние пять цзиней, и Лин Син выкупил всё. Шэнь Хуэй взял глиняный таз, и весь тофу сложили туда.

Се Цинъя мельком взглянул на холодного, неприветливого Шэнь Хуэя и тихо сказал Лин Сину:

— Лин Син, я слышал, те, кто вчера ночью ходил к вам скандалить, сегодня утром все спали под открытым небом. Двое из семьи Чжао ещё и с травмами. Фан Сюся, боюсь, снова взбесится, вам стоит быть поосторожнее.

— Уже устроила, — ответил Лин Син. — Второй брат как раз на неё наткнулся. Не знаю, что на неё нашло - схватила кочергу и прямо на голову Сяо У замахнулась. Хорошо, что мы вовремя вернулись.

Вспоминая это, Лин Син всё ещё чувствовал страх: если бы Фан Сюся ударила в полную силу, Шэнь Лаю пришлось бы очень тяжело. Со стороны это выглядело так, будто между ними смертельная вражда и без крови она бы не успокоилась.

Се Цинъя кивнул с видом «я так и знал», слегка дёрнул Лин Сина за рукав, наклонился к его уху и прошептал:

— Думаю, это из-за того, что у Чжао Фаня есть кто-то на стороне. Несколько дней назад я заходил в книжную лавку и как раз видел, как Чжао Фань заигрывал с одним гером. Тот был с большим животом, лицо так избито, что смотреть страшно, а Чжао Фань всё утешал его: «сердечко да душенька».

Лин Син понял всё с полуслова. Он нахмурился:

— Из-за этого она и возненавидела геров? Поэтому так жестоко обошлась с нашим Сяо У?

— Скорее всего, — кивнул Се Цинъя. — Я слышал, как тётки и фуланы, что приходят за тофу, перешёптывались: на этот раз она вернулась в родительский дом вместе с двумя детьми. С Чжао Фанем у неё сейчас серьёзная ссора.

Се Цинъя заговорщически понизил голос ещё больше:

— Говорят, тот гер уже на большом сроке, и Чжао Фань хочет взять его в дом второй женой. А Фан Сюся не согласна, вот и уехала к родителям с детьми.

Сплетня оказалась такой крупной, что Лин Син на мгновение растерялся:

— Но тётки и фуланы ведь в город не ездят. Откуда они всё это знают?

Се Цинья посмотрел на него с видом «ну ты даёшь»:

— В деревне разве бывают тайны? Стоит нескольким людям собраться и перекинуться парой слов, и уже все знают, у кого ночью в дверь стучали.

Лин Син сразу понял - вот она, мощь деревенской «службы разведки». Выходит, Фан Сюся так жестоко обращалась с Сяо У потому, что ее муж закрутил историю с гером, да ещё и с беременным, которого собирался привести в дом второй женой. Хотя и так говорить, наверное, не совсем верно: здесь ведь нет понятия «измена», есть только вторая жена или наложница. Но как бы там ни было, их Сяо У не сделал ничего плохого. Если Фан Сюся и хочет кого-то ненавидеть, пусть ненавидит своего мужа или того гера. Зачем же срывать злобу на ни в чём не повинном ребёнке?

Чем больше Лин Син об этом думал, тем сильнее убеждался: с этой женщиной явно что-то не так. Причём серьёзно не так.

По дороге домой, купив тофу, Лин Син, понизив голос, пересказал Шэнь Хуэю всё, что ему сказал Се Цинья. Детям такое слушать ни к чему, Лин Син вообще очень внимательно относился к тому, чтобы не портить детскую психику всякой грязью.

Шэнь Хуэй отреагировал на услышанное на удивление спокойно, без особых эмоций. Лин Син удивился:

— Второй брат, ты что, и раньше об этом знал?

Выглядел он так, будто совсем не был поражён.

— Нет, — ответил Шэнь Хуэй. — Только что узнал.

Лин Син слегка пожал плечами. Ладно, значит, Шэнь Хуэй просто слишком хладнокровный. Сам Лин Син таким быть не мог - когда он только что слушал эти сплетни, ему чуть ли не захотелось достать дынные семечки.

Чжу Жушань, заложив руки за спину, постучал в тяжёлую деревянную дверь дома Фан. Изнутри почти сразу раздался вопрос:

— Кто там?

— Это я, Чжу Жушань.

Через мгновение дверь открылась, и в проёме показалось старое лицо. Женщина была аккуратно причёсана, волосы уложены без единого выбившегося волоска. Одежда на ней была простая, строгая, опрятная. В ушах потускневшие серебряные кольца, на ногах - мягкие тканевые туфли.

Она с дежурной улыбкой на лице пригласила Чжу Жушаня во двор.

— Что это деревенский староста вдруг нашёл время зайти, присесть?

Чжу Жушань остался стоять во дворе, огляделся, нашёл длинную скамью и тяжело сел на неё. Лицо у него было мрачное, и тон явно недружелюбный.

— В дом заходить не буду, хлопотать не нужно. Скажу прямо: Фан-саоцзы, может ты правда не понимаешь, может делаешь вид, что не понимаешь. История с семьёй Шэнь должна была закончиться ещё вчера ночью. А сегодня твоя четвёртая дочь снова потащила людей к ним во двор и чуть не убила пятого младшего Шэня, едва не размозжив ему голову.

Чжоу Цайхуа дёрнула уголком рта, притворная улыбка исчезла, сменившись явным раздражением. Из-за возраста кожа у неё уже обвисла: веки нависали, уголки губ сами собой тянулись вниз. От этого её недовольство выглядело ещё резче, так что у Чжу Жушаня внутри аж закипело.

— Староста Чжу, да ты, я смотрю, слишком уж явно тянешь одеяло на одну сторону. А почему ты не скажешь, как тот Шэнь-эрлан среди ночи тихонько пробрался ко мне в дом, избил мою четвёртую дочь и двух внуков, да ещё и выбросил их за ворота, где они пол-ночи пролежали?

У Чжу Жушаня и без того внутри клокотала злость, и после этих слов Чжоу Цайхуа у него не осталось ни малейшего желания «входить в положение» её семьи.

— Если бы с моего гера какой-нибудь сопляк сдернул повязку и увидел метку, я бы сам схватился за оружие и пошёл насмерть драться. Значит, у вас дети золотые, а геры семьи Шэнь - дешёвые и ничтожные? А Лин Син вообще был избит до потери сознания - человек только что лишился мужа, и вы позволяете себе так с ним обращаться?

— Да ты посмотри, какие безобразия устроили ваши двое! Как отвратительно ругалась Фан Сюся - ты ведь всё прекрасно понимаешь, просто делаешь вид, что оглохла, верно? Думаешь, раз заплатили несколько лян серебра, на этом всё и закончилось? Ты вообще знаешь, какой у Шэнь Хуэя характер? Его тронуть - это шутки? На этот раз вас лишь побили да выбросили ночевать за ворота - злость спустили, и дело можно было бы закрыть. Так нет, надо снова лезть, провоцировать. Фан Сюся может не разбираться в его нраве, но ты-то мать, да ещё и муж твой столько лет в деревне живёт - вы что, тоже ничего не понимаете?

Чжу Жушань высказал всё одним махом, и лицо Чжоу Цайхуа побелело. Они, конечно, всё это знали. Просто поначалу решили, что виновата семья Шэнь, да и захотелось урвать побольше

выгоды, так и вышла вчерашняя история. А сегодняшнего они и вовсе не ожидали: кто мог подумать, что четвертая дочь вдруг словно с ума сойдёт и решит человека до смерти забить. Семейный позор не выносят на люди, а истинные причины и вовсе невозможно было рассказать старосте.

Лицо Чжоу Цайхуа то бледнело, то наливалось тёмным цветом, и она сама чувствовала, что семье теперь трудно что-либо сказать в своё оправдание. Если бы они действительно хотели с самого начала связаться с этим безбашенным живым демоном, старики сами бы вышли на сцену. Они нарочно всё время выпускали вперёд молодёжь именно затем, чтобы оставить себе хоть какое-то пространство для манёвра и не доводить дело до полного разрыва.

— Ай-ай, староста Чжу, что это вы так разгорячились? — из дома донёсся стук трости, и наконец вышел хозяин семьи, Фан Линьхай. — Наша четвертая дочь с детства росла в ласке и достатке, вот и характер у неё - обиды терпеть не умеет. В доме Чжао она к тому же главная жена, там уж и подавно ни с чем мириться не привыкла. Услышала, что тот ребёнок вчера кричал про донос в управу, вот и перепугалась. От страха и наговорила лишнего, всего-то пару слов.

На Фан Линьхае был тёмно-серый халат без единой заплаты, подпоясанный кожаным ремнём. Края ремня заметно истёрлись, но всё равно видно, что он куда дороже простого пояса из ткани. То ли и впрямь деньги человека держат, то ли сам по себе он такой, но при своих шестидесяти годах Фан Линьхай, хоть и с изрядно побелевшими волосами, не выглядел дряхлым. Левую ногу со старой травмой он немного подволакивал и потому опирался на трость, однако духом был бодр, взгляд острый. Говорил вроде бы мягко, а на деле с уколами и поддёвками, ловко перекладывая вину на ребёнка, на Шэнь Лая.

Чжу Жушань раздражённо отмахнулся:

— Ай, брат Фан, да ты и впрямь под старость разум растерял? Фан Сюся ведь уже под тридцать, а вы с женой всё ещё нянчитесь с ней, будто она дитя малое!

— Пятому ребёнку в семье Шэнь всего десять лет, — резко сказал Чжу Жушань. — А она поливала ребёнка такой грязью, будто это он её обидел! Да и вообще, разве не ваша Фан Сюся первой начала оскорблять?

Фан Линьхай явно не ожидал, что Чжу Жушань будет так прямо и жёстко говорить, не станет, как раньше, отшучиваться и сглаживать углы, чтобы замять дело. Как бы ни старались старики Фан прикрыть своих, после таких прямых слов переворачивать чёрное с белым уже было неловко. К тому же им ещё жить в деревне Сяо Лю, и ссориться со старостой по-настоящему они не могли.

Фан Линьхай дёрнул уголком рта и сухо усмехнулся:

— Ну что ты, брат Чжу, смотри, разгорячился из-за пары слов. Да, Сюся поступила неправильно, я потом с ней поговорю.

Но это было совсем не то, чего добивался Чжу Жушань. Он нахмурился, сдерживая раздражение.

— Давай говорить начистоту, как люди прямые. Я сегодня пришёл, чтобы сказать одно: все дела между семьями Фан и Шэнь должны закончиться сегодня. В деревне давно спокойно, и я не хочу, чтобы из-за этого снова начались волнения.

Поняв, что Чжу Жушань настроен всерьёз, старики Фан переглянулись. После этого Чжоу Цайхуа фыркнула и, скривив губы, ушла.

Фан Линьхай остался, неловко усмехнулся пару раз:

— Ладно, пусть будет по-твоему, брат Чжу.

Дело было улажено, и Чжу Жушань покинул дом Фан. Он только открыл калитку, как из западной комнаты донёлся звук разбившейся утвари. Чжу Жушань покачал головой, вздохнул и, не оборачиваясь, ушёл.

В западной комнате дома Фан Фан Сюся, разбив керамический кувшин, всё ещё не могла успокоиться и замахнулась на блюдо. А ведь посуда у них была не простая, с цветной росписью, куда дороже обычной грубой керамики. Когда кувшин разбился, у Чжоу Цайхуа уже сердце кровью обливалось. Теперь, увидев, что дочь хочет разбить и блюдо, она поспешно перехватила его. Поставив блюдо на место, Чжоу Цайхуа не выдержала и ткнула Фан Сюсю пальцем в лоб:

— На людях терпишь обиды, а домой прибегаешь только и умеешь, что крушить всё подряд! Есть у тебя смелость, так почему не показываешь её там, где тебя обижают?

Фан Сюся кипела от злости:

— А что я такого сделала? Почему все смотрят на меня с презрением?!

Что муж у нее, что тот гер, что его соблазнил, что семья Шэнь, а теперь даже родная мать - туда же! Почему у неё такая горькая судьба?!

— Если бы тогда вы с отцом не сунули меня в постель к Чжао Фаню, разве дошло бы до того, что сейчас какой-то грязный гер из борделя смеет топтать меня ногами?! Это всё из-за вас!

Фан Сюся схватила уже отложенное керамическое блюдо и с силой швырнула его. Чжоу Цайхуа не успела остановить. Слыша истеричные слова дочери, она и сама чувствовала тяжесть на сердце.

— Столько лет ты жила в достатке, — сказала она устало. — Как же ты всё ещё можешь винить

отца с матерью?

Эти слова только подлили масла в огонь. Фан Сюся буквально взорвалась, почти крича:

— В каком ещё недостатке я жила?! Разве я в доме Чжао жила по-человечески?! Эта старая тварь, мать Чжао Фаня, каждый день обращалась со мной как с волком, стоило передохнуть, сразу «ленивая дрянь», «поганая кость»! Она ещё и моего сына хотела отдать в усыновление своему старшему сыну, который не может иметь детей! Если бы тогда не купили другого ребёнка, Саньцай уже давно звал бы чужих людей отцом и матерью!

Чжоу Цайхуа долго молчала, потом тяжело вздохнула. А что тут поделаешь? Разве жизнь не у всех такая? Есть что поесть и что надеть, есть сын, на которого можно опереться, разве этого мало?

— Ты ещё молода, — тихо сказала она. — Переживёшь и её. Когда свекровь умрёт, разве не ты в доме будешь главной? А насчёт усыновления, ведь в итоге ничего не вышло, так ведь?

Фан Сюся с ненавистью выкрикнула:

— Но теперь-то появился этот гер из борделя! И у него в животе ещё и ребёнок!

С этим Чжоу Цайхуа и впрямь ничего не могла поделать. Она уже собиралась снова заговорить, чтобы успокоить дочь, но вдруг кое-что вспомнила и спросила:

— Четвёртая, а тот ребёнок, которого купили в дом старшего брата Чжао... сколько ему лет?

Резкая смена темы сбила Фан Сюся с толку. Она на мгновение растерялась, а потом ответила:

— Года четыре-пять, наверное. А зачем тебе это?

— Ты сначала скажи матери, — не отставала Чжоу Цайхуа, — как у него отношения со старшим братом Чжао?

Фан Сюся немного подумала:

— В прошлый раз, когда я ездила в Юэвань, этого мальчишку связали и заперли в дровяном сарае. Сноха говорила, что он всё время пытается сбежать. Если бы деревенские не помогали присматривать, он бы тогда и правда улизнул.

Услышав это, Чжоу Цайхуа расплылась в радостной улыбке и схватила Фан Сюся за руку.

— Так это же прекрасно, что не приживается! Ты ведь переживаешь из-за того гера и ребёнка в его животе? А ты подумай: кто лучше - новорождённый младенец, с настоящей кровью семьи Чжао, или купленный чужой волчонок, которого всё равно не удаётся воспитать?

Фан Сюся прокрутила слова матери в голове и вдруг хлопнула себя по бедру.

— Тьфу ты, — воскликнула она, — как это я раньше до такого не додумалась!

— Ты всё-таки ещё слишком молодая, — сказала Чжоу Цайхуа с улыбкой. — Даже Саньцай не может сравниться с тем, что у того гера в животе. Ребёнок, которого с самого начала растят в доме, - если не говорить лишнего, он и будет считаться родным. Саньцай уже большой, всё понимает, потому-то они и пошли покупать ребёнка помладше, чтобы вырастить как сына. Твоя свекровь просто испытывает тебя, нарочно заставляет нервничать, чтобы ты её боялась. А ты из-за этого ни есть нормально не можешь, ни спать.

После таких разъяснений Фан Сюся и правда всё поняла. Но беспокойство всё же осталось.

— А если у него там девка родится или гер? — спросила она. — Старшему брату ведь нужен именно сын.

Чжоу Цайхуа спокойно ответила:

— Так ведь не один же раз рожают. Гер или девка - даже если оставить их в доме, они ни тебе, ни Эрбао с Саньцаем не угроза. Подрастут, выдашь замуж, ещё и выкуп получишь. А если родится сын, так и отправишь его в дом старшего брата Чжао. Твоя свекровь больше всего благоволит своему старшему сыну. Ты только поговори с ней как следует, она обязательно будет на твоей стороне.

Фан Сюся словно прозрела, злость прошла. Она начала собираться в дорогу. До родов того гера оставалось месяца три, тянуть с этим делом нельзя.

— Эрбао и Саньцай пусть пока побудут в деревне, — сказала она. — А я съезжу в город.

□□.....

Когда семья Шэнь вернулась с полей, они узнали о том, что произошло сегодня. Услышав, что Шэнь Хуэй сходил к старосте деревни и попросил его навеститься к семье Фан и приглядывать за ними, остальные наконец-то смогли вздохнуть с облегчением. Раз староста взял это на себя, да ещё и будет держать Фан под давлением, те больше не посмеют устраивать ничего серьёзного.

Шэнь Чэншань сказал:

— Вчера староста пришёл к нам потому, что его позвал тот самый Ван-фулан, что торгует тофу. Думаю, надо как-нибудь пригласить их с мужем к нам на простой обед и как следует поблагодарить. А старосте... наши домашние вещи, боюсь, ему ни к чему. Лучше пусть Син-гер сделает каких-нибудь баоцзы да маньтоу и отнесёт, пусть староста попробует что-нибудь новенькое.

Лин Син с этим был полностью согласен. Всё равно он каждый день заводит тесто, сделать заодно несколько лишних не составит труда.

Узнав, что будут звать Ван Цзюня и Се Цинъя, Шэнь Хуэй добавил:

— Через три дня схожу в горы, проверю ловушки. Если ничего не попадётся, тогда съезжу в город, куплю мяса.

Обсудив всё, семья снова принялась за дела. Землю нужно было глубоко перепахать, выбрать сорняки, а затем ещё и выжечь, чтобы корни не остались и потом не тянули питание у посевов. После обеда Шэнь Хуэй тоже пошёл помогать. С его силой один он стоил сразу нескольких человек.

Лин Син остался дома с Шэнь Лаем, а также Сяочунь и Сяося. Едва остальные вышли, Шэнь Лай тут же схватился за живот и заявил, что проголодался и сможет наесться, только если съест кусочек сахара. Малец так откровенно «щёлкал счётами» прямо перед Лин Сином, что тот не удержался от улыбки. Сяочунь и Сяося тоже уставились на него с полными ожидания глазами. Когда на тебя так смотрят сразу трое малышей, сердце невольно смягчается. Лин Син и рад бы дать им сладкое, но Сюй Юфан, узнав, что Шэнь Хуэй купил сахар, сразу сказала: одному ребёнку - по одному кусочку раз в три дня. Иначе стоит только начать и уже не остановишься. А где в доме возьмутся деньги, чтобы кормить детей сладостями?

Лин Син не решился лезть в шкаф за сахаром. Зато, заметив в глиняном сосуде на кухне немного фасоли-маш, он придумал другое угощение.

— Сегодня сахар точно нельзя, — сказал он детям, — но я могу сделать для вас другое вкусное. Хотите попробовать?

Лишь бы было что поесть, этого детям вполне достаточно. Все трое тут же закивали, ни секунды не раздумывая. Тогда Лин Син насыпал в глиняный таз немного маша и вместе с детьми стал перебирать зёрна, выбирая порченные, чтобы они не испортили вкус блюда.

Отобрав зёрна, он промыл их и сразу залил горячей водой, оставив набухать. Для задуманного блюда ещё нужна была щёлочь, поэтому Лин Син сделал настой из древесной золы. Закваску для теста он и так оставлял каждый день, её не нужно было переделывать и щелочная вода там не требовалась, поэтому зольный настой он давно не делал. Сейчас же без него было не обойтись, пришлось готовить заново.

Накрыв всё крышками, Лин Син велел Шэнь Лаю и остальным детям присмотреть за домом. А сам пошёл к Се Цинъя, спросить, можно ли одолжить у него жернова.

— Мне нужен будет примерно на час. Брат Се, тебе это удобно?

— Конечно удобно, — ответил Се Цинъя. — Приходи прямо так, без стеснения.

Лин Син улыбнулся, поблагодарил и пообещал, что когда блюдо будет готово, принесёт Се Цинъя попробовать.

Машу нужно было время, чтобы набухнуть. Пока он ждал, Лин Син управился с подготовкой всего, что понадобится для завтрашнего выхода на рынок, а потом вместе с тремя детьми прибрался в доме. Он вымыл пароварку и ткань для неё, всё как следует почистил, и только тогда маш как раз набух.

Лин Син взял набухшие бобы и в одиночку пошёл к Се Цинъя молоть бобовое молоко. Жернова у Се Цинъя были не слишком большими, но для истощённого и слабого Лин Сина молоть бобы всё равно оказалось тяжёлой работой. Когда Лин Син провернул жернова всего пару раз и остановился, тяжело дыша, Се Цинъя не выдержал и рассмеялся.

— Я-то думал, ты хотя бы три круга выдержишь. С таким темпом ты эти бобы лет десять молоть будешь. Давай я помогу. Потом просто дашь мне попробовать побольше, мой муж очень любит поесть.

Лин Син не стал себя мучить - если бы он молот сам, то и завтра бы горячего не поел*.

(ПП: гиперболическое выражение, подчёркивает абсолютную неэффективность и медлительность действия в одиночку)

— Хорошо, тогда я тебе побольше отдам. Брат Се, выручай меня.

Се Цинъя щёлкнул пальцами:

— Смотри и учись.

Раздался скрип дерева и гулкое трение каменных жерновов. Се Цинъя молот быстро и ровно, и вскоре из отверстия потекло бледно-зелёное бобовое молоко. Лин Син держал чашку и подставлял её, принимая струйку. Так как объём был небольшой, Се Цинъя управился очень быстро. Чашки, которую принёс Лин Син, не хватило, и Се Цинъя дал ему ещё одну из дома, а заодно помог донести всё обратно.

— Потом просто вернёшь чашку, не спеши переливать.

Лин Син кивнул, поблагодарил, проводил его до двери и тут же принялся промывать зелёное молоко. Он налил чистую воду в чашку, вылил бобовое молоко в марлю и, опустив её в воду, стал медленно перетирать и промывать. Шэнь Лай помогал сбоку - подливал молоко в марлю. Так, несколько раз подряд, они наконец закончили промывку.

После перетирания оставшуюся зелёную бобовую массу Лин Син всю сохранил, переложив в керамическую миску. Если добавить туда немного сахара, из неё можно сделать сладкую начинку для баоцзы. А если всыпать сахар, разложить по формочкам, прижать и пропарить, то получится пирожное из бобов.

Он снял белую пену с поверхности жидкости и оставил зелёное бобовое молоко в покое, чтобы оно отстоялось. Пока было нечего делать, Лин Син, пользуясь солнечной погодой, вскипятил воду и вымыл головы троим детям и себе. Это оказалось делом трудоёмким и утомительным: дети боялись мыльной пены из мыльных стручков и инстинктивно уворачивались. К тому моменту, как он закончил мыть их, одежда Лин Сина была наполовину мокрой. Подумав, что при мытье головы ворот всё равно намочит, он решил сначала вымыться, а уже потом переодеться.

Он вытер детям волосы почти насухо и усадил их на солнце, чтобы те досохли. Когда Лин Син вымыл голову, переоделся и прибрал двор, время как раз подошло - можно было продолжать готовить. Его волосы были наполовину сухими, с кончиков всё ещё капали капли, скользя по ткани вниз по поясице. Чтобы волосы не заперли и не появился запах, он не стал их связывать.

Из керамического таза с отстоявшимся зелёным бобовым молоком он аккуратно слил верхний слой жидкости - на дне остался толстый слой зелёного бобового крахмала. После того как он ложкой равномерно разровнял слой, его стало удобно зачерпывать. По пропорции Лин Син добавил зелёный бобовый крахмал и зелёное бобовое молоко, затем всыпал немного соли и влил отстоявшуюся чистую воду из древесной золы, тщательно размешав. Во-первых, для вкуса, во-вторых, чтобы цвет не менялся, а текстура была более нежной и гладкой. Оставшийся зелёный бобовый крахмал Лин Син решил высушить на солнце и убрать на хранение - пригодится позже.

Закончив с этим, он позвал Шэнь Лая разжечь огонь. Он сам ещё не до конца чувствовал, какой огонь подходит для керамического котла, а Шэнь Лай с шести лет помогал дома с огнём и к своему возрасту уже имел четыре года опыта. По мере того как температура росла, масса в котле становилась всё более густой. Цвет из светло-зелёного постепенно темнел, и вскоре Лин Сину стало уже трудно мешать. Оценив густоту и решив, что этого достаточно, он взял керамическую миску и переложил туда всё содержимое, оставив остывать естественным образом.

Погода всё ещё была прохладной, поэтому остывало и застывало всё довольно быстро. Шэнь Лай, Шэнь Сяочунь и Шэнь Сяося не знали, что это такое, и с любопытством уставились на миску, спрашивая Лин Сина, что он приготовил.

— Лянфэнь из зеленых бобов. Если добавить соус, будет очень вкусно.

Лин Син коротко объяснил и принялся готовить приправу.

Дома нашлось немного сушёного перца. Лин Син растолок его в маленькой ступке в перечный порошок. Кроме этого, в доме были только соевый соус, соль и уксус, больше ничего. Он положил понемногу каждого, добавил колодезной воды и размешал. Жаль лишь, что сейчас ещё не было чеснока - не сезон, не вырос. А то вкус соуса стал бы ещё лучше.

Лянфэнь из зеленых бобов застыл ещё до того, как семья вернулась с поля. Лин Син разрезал его ножом, вымыл керамическую миску Се Цинъя и положил туда половину желе.

— Сяо У, отнеси это в дом Ван-фулана. И заодно Расскажи, как это есть.

Лин Син объяснил способ подачи и как смешивать соус. Шэнь Лай выслушал, повторил всё без ошибок, взял миску и умчался. Лин Син продолжил резать желе, разложил три миски и в каждую налил соус. Соус получился солёно-острым, а лянфэнь из зеленых бобов отдавал лёгким свежим ароматом.

У Сяочунь и Сяося слюнки текли, они без конца сглатывали, так хотелось попробовать.

Закончив с лянфэнь, Лин Син заодно смешал мучную болтушку, а за огнём присматривала Сяочунь. Как раз близилось время, когда остальные должны были вернуться домой есть. Если приготовить сейчас, то они, закончив работу, смогут просто помыть руки и сразу садиться за стол.

Шэнь Чэншань с остальными возвращались с мотыгами и лопатами на плечах и как раз столкнулись с Шэнь Лаем, который шёл обратно от дома Се Цинъя.

— Сяо У, ты чего оттуда идёшь? — спросил Шэнь Чэншань.

Шэнь Лай подбежал к ним с широкой улыбкой на лице:

— Старшая невестка велел мне отнести Ван-фулану вкусную еду. Пойдёмте скорее домой есть, старшая невестка столько всего наготовил, выглядит жутко вкусно!

Он потянул Шэнь Чэншаня и Сюй Юфан за руки, торопя их домой. Услышав про вкусное, Сюй Юфан испугалась, что Лин Син из-за мягкого характера снова не устоял и потратил деньги на детей, и, идя рядом, спросила:

— Ты ведь не уговаривал старшую невестку что-нибудь купить?

Шэнь Лай топнул ногой и воскликнул:

— Ай! Мам, да кто я, по-твоему? Почему ты всё время думаешь, что я подбиваю старшую невестку покупать мне еду?

Видя, что ребёнок обиделся, Сюй Юфан тут же перестала:

— Ладно-ладно, мама больше не будет говорить. Смотри, ещё и на маму сердишься.

Вся семья, переговариваясь и смеясь, пошла домой. К вечеру солнце клонилось к закату, тёплый свет разливался вокруг, наполняя всё уютом. У подножия горы, возле их маленького глинобитного домика, из трубы уже поднимался дым. Сяочунь закончила следить за огнём и вместе с Сяося присела во дворе, разглядывая муравьёв.

Увидев, что семья вернулась, они тут же забыли про муравьёв и, топоча, побежали навстречу, выкрикивая «папа», «мама», «дедушка», «бабушка» и «второй дядя». Только что вымытые волосы у них были пушистые и мягкие, сзади их перехватывала простая тканевая лента. Так и хотелось протянуть руку и погладить этих маленьких «редисок», на ощупь они наверняка были бы очень приятные.

Шэнь Гуй, держа в одной руке мотыгу, другой по очереди погладил головы двух малышек:

— Вам старшая невестка мыл голову?

Сяочунь и Сяося дружно закивали.

Цао Маньюэ поставила мотыгу, налила воды, чтобы домочадцы помыли руки. Сама, умывшись, сразу пошла на кухню помогать. Хотя она выглядела уставшей, в глазах у неё была улыбка.

— Старшая невестка, сегодня ты намучился. Эти двое, когда им моют голову и купают, такие непоседы, наверное, весь промок?

Лин Син как раз переключал жидкое тесто в керамическую миску и, услышав это, ответил:

— Да ничего страшного. В детстве меня было мыть куда сложнее - помоют голову один раз, а я выгляжу так, будто прямо в одежде в воду нырнул.

Пока он говорил, Цао Маньюэ помогла поставить миску с мучной болтушкой на стол и разлила ее по керамическим чашкам, по одной на каждого. Лин Син достал из деревянного шкафа палочки и разложил их по местам. На круглом старом деревянном столе стояла большая керамическая миска с сероватой жидкой кашицей из теста. Перед каждой скамьёй - чашка с этой кашицей и пара палочек. Посередине стола три чашки с зелёным лянфэнь, сверху политым соусом, в котором виднелся молотый перец. И больше ничего.

Цао Маньюэ посмотрела на три чашки с незнакомым содержимым и подумала, что это, наверное, то самое «вкусное», о котором говорил Сяо У. На вид и правда было что-то диковинное. Остальные домочадцы тоже вымыли руки, отряхнули с одежды землю и пыль полотенцем и по очереди вошли в дом. Шэнь Лай сел первым, глаза у него буквально прилипли к лянфэнь.

— Син-гер, а это что за еда такая? Есть ли у неё какие-то особенности? — Сюй Юфан тоже почувствовала, что блюдо в центре стола необычное, и спросила Лин Сина.

Все в семье Шэнь разом посмотрели на лянфэнь из зелёных бобов посреди стола, в глазах было одно сплошное любопытство.

Лин Син убрал прядь длинных волос, рассыпавшихся у щеки, за ухо и начал объяснять:

— Это из зелёных бобов, называется лянфэнь - холодная лапша. На вкус она прохладная, очень гладкая, мягкая и упругая, с лёгким ароматом зелёных бобов. Я сделал соус и растолок туда немного острого перца - чуть-чуть остро, очень хорошо идёт с едой. В одной чашке перца нет, детям острое нельзя, пусть едят её.

Семья Шэнь слушала его объяснение и то и дело сглатывала слюну, по описанию это звучало невероятно вкусно. Лянфэнь из зелёных бобов они не только никогда не пробовали, они даже не слышали о таком блюде. Никто и подумать не мог, что из зелёных бобов можно сделать такое, раньше их использовали только как добавку к каше вместе с другими крупами. Старики из семьи Шэнь и Шэнь Хуэй прежде ели пирожные из бобов-мунг - их готовил домашний повар. Но они умели лишь есть, а не готовить, и знали только, что туда кладут мёд и сахар.

Лин Син, закончив рассказывать про лянфэнь из зелёных бобов, добавил:

— Кстати, бобы нужно было молоть. Я сам не справился, мне помог Се-гер. Да ещё и жернов был его, а потом он помог донести бобовый отвар домой. Так что, когда всё было готово, я отрезал половину и отнёс ему.

Это были бобы из общего хозяйства, и он использовал их, чтобы отблагодарить человека, не сказать об этом было бы неправильно.

Сюй Юфан, выслушав, кивнула:

— Ты всё сделал верно. Он столько помог, отдать половину совсем не жалко.

Раз домочадцы не возражали, Лин Син тоже успокоился.

Семья расселась за стол, и все разом потянулись палочками к лянфэню. Лапша была очень скользкой, её оказалось не так-то просто подцепить. Зато Шэнь Лай быстро сообразил: он

проткнул кусочек одной палочкой и подхватил второй.

Лянфэнь из зелёных бобов, приготовленный Лин Сином, получился упругим и эластичным - не рассыпчатый, как мучная лапша: от одного тычка палочками он не крошился. Текстура полностью соответствовала его описанию - гладкая, нежная, освежающая. А солёно-кисло-острый соус сверху делал вкус ещё ярче: лапша буквально скользила во рту, была прохладной и необычайно освежающей, сразу разжигая аппетит.

Шэнь Гуй ел с явным удовольствием. Он и сам не помнил, когда в последний раз ему доводилось есть настолько вкусное блюдо, подходящее к еде. Съев несколько кусочков подряд, он наконец заговорил:

— Вот бы летом поставить это в колодец, остудить как следует, а потом съесть - вот это было бы наслаждение.

— Летом и правда отлично утоляет жар, — отозвался Лин Син. — Тогда я ещё приготовлю для всех лянпи - холодную лапшу. Она тоже очень вкусная.

— Старшая невестка, ты просто золото, — с чувством сказал Шэнь Гуй. — Впредь на любое дело смело посылай меня, куда скажешь. Лишь бы время от времени давал поесть такой вот холодной лапши.

С этими словами он снова отправил в рот кусок холодной лапши, щедро политой соусом, пару раз прожевал, затем прихлебнул густой болтушки и с блаженным видом продолжил есть.

Остальные члены семьи Шэнь тоже были в полном восторге от вкуса и текстуры лапши. Особенно отличился Шэнь Лай - он ел с таким азартом, что один кусок сменялся другим без остановки.

Лин Син заметил, что и Шэнь Хуэй ест быстро. Он всё время молчал - не нахваливал блюдо, как Шэнь Чэншань и остальные, но палочки в его руках ни на миг не замирали, и съел он больше всех. Аппетит у него и без того был большой: даже если бы он съел всё подчистую, этого бы всё равно не хватило, чтобы наесться, разве что распробовать вкус.

Ещё Лин Син обратил внимание, что Шэнь Хуэй, похоже, плохо переносит остроту. Перца он добавил совсем немного, лишь лёгкую остринку, но и этого, видимо, оказалось для него многовато. Шэнь Лай и двое малышей, Сяочунь и Сяося, ели без всяких проблем. А вот Шэнь Хуэю хватило двух кусочков, и на лбу уже выступил пот. При этом на лице у него не появилось ни тени эмоций: чем острее было, тем спокойнее и собраннее он выглядел. Губы покраснели от перца, а он всё так же невозмутимо отправлял очередной кусок в рот. Острое он есть не умел, но любил.

Когда трапеза уже подходила к концу, Шэнь Хуэй наконец медленно поднял взгляд и прямо посмотрел на Лин Сина, слегка приподняв бровь. Этот взгляд ясно спрашивал: Ну что,

насмотрелся?

Лин Син смутился и отвёл глаза. Ему просто было любопытно, в какой момент у Шэнь Хуэя «сломается» лицо от остроты. Кто бы мог подумать, что его ещё и поймают на этом.

В итоге вся семья поела с большим удовольствием.

Лин Син спросил:

— А если выносить лянфэнь на продажу, как думаете, пойдёт?

Готовя лянфэнь, он уже размышлял об этом. Хоть процесс и занимает время, но не требует постоянного присмотра, можно параллельно заниматься другими делами. Если каждый день приносить в город одну-две миски и ставить их рядом с прилавком с баоцзы, товар, по идее, должен разойтись.

Кроме того, лянфэнь можно не только есть холодным, но и жарить. В семьях с достатком, если не жалеют масла, обжаренный лянфэнь тоже получается очень вкусным. Единственная трудность - перемалывать зелёную фасоль: не будешь же всё время ходить к Се Цинъя и пользоваться его жерновами.

Сюй Юфан сочла идею отличной - это ещё один источник дохода. Выяснив, что приготовление лянфэнь не слишком хлопотное и не изматывающее, она сразу кивнула:

— Конечно, получится. Такая вкуснота, как же ей не пойти? Если ты решишься делать, у нас как раз есть маленький жернов, пригодится.

— У нас есть жернов? — Лин Син обрадовался.

Он как раз думал, не давать ли каждый день Се Цинъя немного денег за то, чтобы полчаса пользоваться их жерновами. Если свой есть дома, никуда бегать не придётся, и это гораздо удобнее.

— Есть, только совсем небольшой. Его когда-то хотели продать, но он слишком маленький, никто не брал, вот и лежит дома без дела. А для помола зелёной фасоли в самый раз.

Сюй Юфан повела Лин Сина посмотреть жернов, откинув тёмную занавесь на двери в кухонной пристройке. Внутри стояла дощатая кровать, а в промежутке между ней и стеной как раз помещался большой деревянный сундук; на левой стене были прибиты в несколько рядов полки, на которых аккуратно лежали разные мелочи, а на стене у входа висел лук, рядом, прислонённые к стене, стояли деревянные стрелы и копья. Помещение было небольшое, чистое и опрятное, вещей в нём почти не было. Это была комната Шэнь Хуэя.

Сюй Юфан завела туда Лин Сина и вытащила из-под дощатой кровати каменный жернов. Он и впрямь был совсем маленький, диаметром около пятидесяти сантиметров, но для того, чтобы смолоть одну-две миски зелёной фасоли для лянфэнь, его было более чем достаточно.

- Эрлан, зайди и помоги вынести жернов.

Сюй Юфан из-за того, что занималась вышивкой, старалась не набивать руки мозолями, по хозяйству в поле работала редко и особой силой не отличалась; теперь же этот каменный жернов оказался тяжеловатым, ей одной его не поднять, да и Лин Син, худой как обезьянка, тоже не справился бы. Место и так было всего лишь отгороженным уголком кухни и отличалось теснотой, двоим внутри уже было не развернуться, и Лин Син собрался сначала выйти наружу.

В это время Шэнь Хуэй как раз подошёл к двери; он остановился и не стал входить, дожидаясь, пока Лин Син выйдет первым. Проём был узкий, и Лин Син с Шэнь Хуэем разминулись, едва не задев друг друга плечами. Взгляд Шэнь Хуэя скользнул по его руке, затем остановился на ещё не убранных в повязку длинных волосах Лин Сина и медленно прошёлся по его одежде. С такого близкого расстояния Шэнь Хуэй уловил знакомый запах мыльных стручков в его волосах, но к нему, казалось, примешивалось что-то ещё - едва заметная сладость, которую трудно было описать словами, оставалось лишь ощущение, что пахнет приятно.

- Чего встал как истукан, давай быстрее неси жернов, — голос Сюй Юфан вернул Шэнь Хуэя из рассеянности; он без труда подхватил каменный жернов, вынес его во двор и поставил на указанное Сюй Юфан место. Обернувшись, он увидел, что Лин Син, зажав зубами повязку, как раз собирает волосы. Взгляд Шэнь Хуэя задержался на его профиле, открытой шее и на ленте, зажатой между губами.

Он не ушёл, молча досмотрел, как Лин Син завязывает волосы, и, когда тот обернулся, не успел вовремя отвести глаза. Встретив недоумённый взгляд Лин Сина, он поднял руку и указал на область у своего левого уха:

- Старшая невестка, здесь прядь выбилась, не завязал.

Лин Син поднял руку, чтобы пригладить волосы, и действительно обнаружил выбившуюся прядь, так что пришлось распустить повязку и завязать всё заново. Закончив, он сам повернул голову из стороны в сторону и спросил у всё ещё смотревшего на него Шэнь Хуэя:

- А теперь как? Остались ещё не собранные?

Шэнь Хуэй, глядя на крутящегося Лин Сина, нашёл его на удивление забавным и невольно тихо усмехнулся:

- Нет, теперь всё как надо.

<http://bllate.org/book/13938/1302283>